

Дорога без начала и конца

В России две беды — дураки и дороги.
Н.М. Карамзин

Париж-Одесса

Света привет, спасибо за поздравление с Новым годом.

Как ты поживаешь? Что нового?

Я последнее время болел: тройничный нерв меня подкосил на много дней. Врачи лечили, как могли. Но, к сожалению, именно в это время были неотложные дела: показы моего фильма "Далеко от Сансет-Бульвара", лекции в киноакадемии и т. д. Не самый приятный момент, чтобы выходить на люди, но что поделаешь.

Как у тебя начался новый год? Какие планы?

*Целую. Игорь.
02.02.08. Париж.*

Привет, Игорь! Наконец-то ты появился! Или наоборот: наконец-то я пришла в себя! Новый год у меня начался фантастически! Это были мои невероятные приключения, или путешествие из Украины в Россию и обратно. Или как там, у Венички Ерофеева, "Москва — Петушки"? Так это "Одесса — Эссенуки". Я, как в том анекдоте: на вопрос "как дела?" — начинаю подробно рассказывать, как. Но поверь — это стоит того.

Дело в том, что в начале октября теперь уже прошлого года в "одноклассниках" обнаружился мой однокурсник Александр Кирпичев. Он уехал после окончания художественного института по распределению в сибирский город Кемерово. Чтобы завлечь к себе специалистов, там предоставляли и квартиру, и мастерскую, и всяческие блага, которых не хватало на всех жителей в европейской части замечательно большой Советской страны. Этим летом он перебрался с семьей в Эссенуки, потому что сыт по горло экологией самого производственно-культурного города Сибири, и зазвал меня к Рождеству в свое новое жилище. Но к себе — только на один день, а потом со всем его семейством — в горы в Приэльбрусье. В принципе, я на Эльбрусе была еще в конце 1970-х, но соскучилась по горам страшно. Да и с Сашей очень хотелось пообщаться. В институте мы были большими друзьями. Поэтому я была очень рада его теплomu приглашению, возможностью увидеться, вспомнить студенческие годы и побывать в моих любимых ностальгических горах.

Обо всей моей поездке можно написать роман или несколько сценариев. Но, к сожалению, я не писатель, хотя очень хочется поделиться впечатлениями.

Вот один из сюжетов. Сразу обозначу главу, потому что если тебе будет интересно, появятся следующие главы.

Глава № 1

Начало пути

На Кавказ из Одессы прямого поезда не оказалось, и я решила ехать на автобусе Одесса — Пятигорск. Автобусом интересно: сидишь себе, смотришь в окно, уютно, тепло, чай дают или кофе. Это у меня такое впечатление осталось от поездки в Париж через всю Европу. Ну и что, что 30 часов ехать до Пятигорска? До Парижа трое суток — и отлично! Главное — без пересадок, которые я так не люблю. Вот, думаю, приеду на автобусе в Пятигорск, Саша встретит меня на машине, а там уже рукой подать до Эссенуков. Так я хорошо думала тогда и представить себе не могла, как ошибалась! Я не учла главное, что "...отсюда много ближе до Берлина и Парижа...".

Когда я брала билеты на этот рейс, реклама была о самых комфортабельных автобусах мира. Однако выехала я из Одессы в каком-то ветхом разваливающемся "сарая" прошлого века. Да еще именно в это время страшно похолодало, до -20 градусов, и задул ветер, который сбивал с ног. Уж не знаю, сколько метров в секунду был этот сильный, да к тому же ледяной ветер, но настроение у меня все равно было бодрое, ведь главное — путешествие началось, и несмотря на дряхлость, автобус все-таки ехал. Путешествие и дорога — это мое любимое состояние. Видишь мир, людей, приобретаешь новые знания и впечатления, меняется внутреннее отношение к окружающему миру. Начинаешь больше ценить то, к чему привык, что кажется совершенно естественным или надоевшим, наступает переоценка ценностей.

Ехали медленно, автобус управлялся соляркой почти на каждой бензоколонке. У водителя выпадало боковое стекло. Часто останавливаясь на обочине дороги, он вместе с напарником вставлял стекло и приклеивал его скотчем. Туалеты в пути были из позапрошлого века: деревянные, с ямой и не всегда с дверью, и продувались ледяным ветром насквозь. Иногда попадались на станциях каменные туалеты, построенные еще в советские времена, где выдают по десятисантиметровому кусочку туалетной бумаги в окне, куда ты платишь деньги, однако ни чистота, ни качество интерьера, ни воздух не соответствовали цене и европейскому сервису,

хотя стоимость посещения этого заведения была очень даже европейской. Хорошо, что я не послушалась своих друзей, которые мне говорили ехать налегке, ведь на дворе XXI век: чай и кофе будут подавать в автобусе, а еду можно купить на станциях. Какой чай? Какой кофе? А что на станциях?! Фиолетового цвета сосиски с задубелыми булками, засохшие и почерневшие от старости куры и колбаса, какая-то дребедень типа печенья, конфет и т. д. Зато у меня с собой было: в термосе вкусный крепкий сладкий чай, свежие бутерброды и всякие жевательные вкусности для долгого пути. Спасибо, что интуиция не подвела.

Когда мы выезжали из Одессы, пассажиров было немного. И практически все сидели на двойных сидениях по одному. Меня это очень порадовало. Сидела я впереди в третьем ряду от водителя возле окна, и место у меня было № 5. Отличное число! Публика была очень разношерстная: пожилая кавказская семья; дамочка в шубе, макияже, с прической и соответствующими образу жеманными манерами; две девицы-модницы в коротеньких кожаных курточках, коротеньких джинсиках с голой поясицей и сапогах на высоких каблуках; какие-то молодые не очень симпатичные люди, какие-то базарные тетки и базарные дядьки и пр. При выезде из Одессы у водителей проверяли документы. Одна из "проверяльщиц" сказала, что не знает этот экипаж и автобус. На это замечание водитель ответил: "Мы долго ремонтировались, теперь все в порядке. Вы что же, не верите нам?". "Проверяльщица" ответила, что, конечно же, верит, таким джигитам не верить нельзя, и мы поехали дальше.

Уже начинался длинный и темный зимний вечер. Ведь зимой темнеет рано. Пассажиры потребовали включения телевизора и показа фильмов, чтобы быстрее шло время в пути. Девчонки сразу пересели вперед на свободные места, и обнаружилось, что кресло впереди справа от меня сломано. Ну, то есть не совсем сломано. Просто если на него садиться, то оно тут же откидывается назад. А поскольку на каждой станции к нам подсаживались пассажиры, я понадеялась, что эта неисправность спасет меня от ненужного соседства. К сожалению, я ошиблась, и хотя мест было достаточно, рядом со мной пожелал сесть мужчина довольно внушительных размеров, да еще и в дубленке, что сразу же резко увеличило тесноту. Кресло впереди мужчины, на котором сидела одна из девиц, все время откидывалось на его немаленький живот. Началась возня между мужчиной и девицей. Я его убеждала, что не надо ссориться, что сзади в автобусе достаточно свободных кресел, и если он пересядет, то ему одному будет гораздо комфортней. Он мне не вял. И поддерживая постоянный скандал, таки

заставил пересесть назад девицу. Временно успокоился, а потом начал бурно комментировать то, что воспроизводилось на экране.

В автобусе было довольно прохладно. Чтобы согреться, девицы на автостоянке купили вина. Но они ведь были молодые и еще не знали, что согреваться нужно водкой или коньяком. Из-за выпитого ими вина молодой организм достаточно часто хотел по нужде. Девушки требовали частых остановок именно на заправках, потому что на ветру в поле холодно, возникал скандал с водителями и бесконечная беготня пьяных девиц по салону.

Кино показывали без перерыва. И это все были, как ты сам понимаешь, американские боевики, да и к тому же старые, или низкопробные комедии с Джимом Кэри. Чтобы было слышно сзади, звук включили на полную громкость. Бесконечное мелькание экрана, громкий звук, беготня по салону, скандалы по поводу остановок, холод и объемный мужчина, который меня вжал в окно, — все это вместе доканывало меня совершенным образом. Хотелось остаться со своими мыслями, с наслаждением от дороги и путешествия, с возможностью отключиться от каждодневной суеты. Но ничего этого и близко не было. Я все ждала, когда все уgomонятся, захотят спать, и прекратится показ фильмов в режиме нон-стоп. Так оно и произошло часам к двенадцати ночи, когда я уже была на грани истерики. К часу ночи автобус был недалеко от Мелитополя. Я сидела, смотрела в окно на темное звездное небо и думала, что тут когда-то скакал на коне по необъятной степи лихой и гениальный батька Махно. Недалеко — Гуляй-Поле. Прокручивала мысленно отдельные куски истории, которые привели нашу страну к сегодняшнему дню. И достаточно быстро получила привет от самого Батьки.

Автобус встал и мгновенно начал остывать, хотя, впрочем, не очень-то был и нагрет. Ну, что...

За окном — 20, ледяной сильный ветер, степь и мрак. Звездное глубокое небо. Спасибо, что не было снега, а то бы занесло — и не раскопали. Вот тебе классический сюжетец: замкнутое пространство и случайные люди.

Автобус не заводится, соляра превратилась в парафин. Водители убегают к мотору, чего-то нам стучат, греют, — и обратно, чтобы согреть руки и себя. Но и в автобусе уже холодно.

Как дальше повернет сюжет?

Это в следующем письме, конечно, если тебе интересно.

В приложении — неземная красота, ради которой я отправилась в поездку.

Целую. Я.

02.02.08. Одесса. S.S.S.

Р. S. Не болей!

Света, Привет!

Ну и приключение! Ужасы поездки даже не могу себе представить! Зато какие красивые горы!

Я должен бежать на вокзал. У меня поезд через два часа, а еще нужно успеть выпить утренний кофе с сигаретой. Еду в сторону юга, Тулузы, в город Монтобан. Пригласили туда представлять фильмы, но не дали машины. Хотя на вокзале меня встретят и отвезут в гостиницу, но туда приходится добираться самому. Когда-то я уже был там. Это очень красивый старинный город с удивительной архитектурой. Там, кстати, родился Делакруа. Прошлый раз мне не удалось посмотреть музей. Может быть, удастся в этот раз, хотя такого рода поездки не предполагают туризм. Это встречи со зрителями, кинокритиками, журналистами, продюсерами и т. д. Возвращаюсь завтра вечером.

До скорого. Целую.

Игорь. 03.02.08. Париж.

P. S. Жду продолжения твоей саги о поездке в горы.

Игорь!

Желаю тебе легкого пути и полезной поездки.

Ну, что ж... а я, если тебе интересно, продолжаю. Когда ты вернешься, то мое письмо уже будет тебя ждать.

Глава № 2

Неожиданный поворот

Экипаж в автобусе был кавказский. Это было видно невооруженным глазом и слышно невооруженными ушами. Флажок на ветровом стекле — российский. Оказалось, что пассажиры все были россиянами. Многие из них замечательно встречали Новый год в Одессе на нашей Думской площади, причем уже не первый год, и возвращались уставшие, но довольные, к себе домой в Ростов, Пятигорск и другие российские города.

Как ты думаешь, что начало происходить в автобусе, когда все осознали, что мы реально можем замерзнуть? Нет, ты думаешь неправильно.

Пассажиры не рассуждали о том, что надо делать, чтобы не замерзнуть. Или чем помочь водителям, чтобы мотор завелся. А конечно же, начали докапываться до вечной русской истины — "кто виноват?". Пока водители копались в моторе на ледяном ветру, пассажиры, переругавшись,

стали обвинять водителей не за то, что автобус был неисправен, а за то, что они были ХОХЛЫ. Правда, водители, к счастью, этого не слышали, а то бы всех "зарезали". Потом пассажиры переключились на "бандитскую" и "воровскую" "ОДЭССУ". Потому что именно этот еврейский город их всех "обобрал" и "нагрелся" на этом рейсе. Каким образом — это не объяснялось. Потом они переключились на всю страну "ХОХЛЯНДИЮ" и хитрожопых, извини, хохлов, которые в ней живут и так и норовят обхитрить доверчивых россиян. Но что делать реально и как спастись — никто об этом даже не думал. То есть политика или национальные раздоры преобладали над страхом замерзнуть в степи.

У меня было ощущение, что я нахожусь в одной из палат сумасшедшего дома. Тем более что все действие то ли от холода, то ли от сонного состояния и усталости происходило как-то замедленно и тупо. Эти разборки для меня были совершенной неожиданностью. Я предпочла просто молчать, если бы они услышали мою речь, то, думаю, решили бы отыгаться именно на мне, потому что других "хохлов" или "одэсситов" в автобусе не было. То есть у нас ни о России, ни о русских ничего плохого не говорят. Никакой пропаганды нет, кроме политики нашего правительства и доморощенных националистов, которым за это платят. А тут ненависть, злость, шовинизм... "Старший брат" дал волю своим мыслям и чувствам в отношении "младшего брата". Для меня это было откровением.

Через какой-то промежуток времени, в середине ночи, когда все были на пределе, нас обогнал международный интуристовский автобус. Наши водители его тормознули. Оказалось, что этот автобус задержался по расписанию и фактически стал нашим спасителем. Правда, мы думали, что водители все вместе отремонтируют наш автобус. Однако и тут мы ошиблись.

Приблизительно через час, когда все пассажиры тряслись от холода в полном смысле этого слова, один из водителей зашел в салон и сказал, что наши вещи перегрузили в автобус, следующим рейсом Симферополь — Ростов, и нам нужно пересаживаться туда, и вообще, скажите спасибо, что он задержался и спас нас.

Поскольку я сидела сразу за водителями, я первая сказала "спасибо" и пошла в новенький, красивый и комфортабельный автобус, надеясь найти свободное место лучше, чем было в предыдущем автобусе. Когда я зашла в салон, со мной случился столбняк: не было ни одного свободного места. Автобус был переполнен, да еще у некоторых пассажиров на руках сидели маленькие дети. Мы вынуждены были разместиться стоя в узком проходе, как макароны спагетти в пачке, и держась за спинки кресел,

поехали в Ростов. То есть, говоря современным языком, это теперь называется "два в одном".

В автобусе, в котором мы ехали из Одессы, было холодно, а в этом новеньком топили хорошо, да еще количество людей превышало все дозволенные нормы. Стояла духота невыносимая. Пассажиры, которые сидели, возмущались, что мы свалились на их головы и над ними висим. А пассажиры нашего автобуса уже не возмущались вообще. Все стояли тихо и как-то отрешенно.

И вот в таком состоянии мы доехали до украинской границы, где нам сказали выйти из автобуса для проверки документов, а там... ледяной ветер сбивает с ног. Пассажиры, мокрые и распаренные, попробовали стоять на холоде, но поняли, что можно сходу превратиться в сосульку, и влезли обратно в автобус, опять набились битком. Пограничнику было очень непросто справиться с проверкой документов. Вся эта процедура длилась бесконечно долго, потому что надо было сверять фото на паспорте с лицами пассажиров, ставить печать, да еще продвигаться по переполненному автобусу, что в этой ситуации было сложнее всего. Фотографию в паспорте с моим лицом сравнить было нельзя. И бедный мальчик-пограничник долго пытался разглядеть в моей фотографии хоть какие-нибудь похожие черты. Я решила помочь ему и сняла очки, он сказал, что не в очках дело, что нужно стремиться к совершенству, имея в виду мою фотографию в паспорте. Спасибо ему за запоздалый комплимент и информацию о том, что когда-то я была совершенством.

Потом российская граница... Нас, "поломанных", проверяли на улице. Из автобуса по одному мы бежали под шлагбаум и к пограничной будке, где через окошко показывали паспорт. Там опять долго пытались меня узнать и как-то недоверчиво отдали паспорт. Потом оттуда надо было бежать к какому-то захудалому пограничному кафе на нейтральной полосе, где ждали, пока проверят остальных "поломанных", а потом "законных" пассажиров в автобусе. В полутемном кафе было только четыре стула. Поэтому пришлось и там стоять. Казалось, этому не будет конца. Почему-то вспомнились фильмы про войну, где фашисты перевозят пленных через пересыльные пункты.

Где мои вещи, бутерброды, а тем более термос с горячим чаем, я не знала. Купить в кафе чай я себе не могла: у меня было 1000 рублей, а у буфетчицы не было сдачи. Никто из россиян мне не захотел менять хоть какие-нибудь деньги, а тем более не предложил чай, хотя, как ты сам понимаешь, он стоил копейки. Да и несчастье, как правило, сплачивает людей, и они друг друга

поддерживают. Здесь каждый был сам за себя, причем с какой-то особой агрессивностью. Мне это показалось странным. У нас более открытые и участливые люди. Во всяком случае, это из моего опыта. Правда, может быть, я устарела, и сейчас время другое. Хотя человечность ценилась во все времена. И мне кажется, не бывает другого времени, бывают другие люди.

Но, слава Богу, всему наступает конец — и "законных" проверили. Опять мы набились в автобус и поехали дальше. Когда стало рассветать, я поняла, что сейчас просто потеряю сознание: покрылась вся холодной испариной, колени подгибались, голова кружилась, я вцепилась в кресло, чтобы не упасть, тем более что на мне всю дорогу очень комфортно ехал живот рядом стоящего мужчины. Я молилась Богу: "Господи, не знаю, как, но помоги, пожалуйста!".

И Бог мне помог! Спасибо Тебе, Господи! Женщина, которая сидела рядом, неожиданно решила выйти на какой-то станции. Я села на ее место, единственная из всех "поломанных", и до Ростова я смогла даже заснуть на пару минут и прийти в себя.

Как только приехали в Ростов, я с большим трудом нашла свои вещи и какими-то заковырыстыми перебежками начала искать кассу, чтобы взять билет до Минеральных Вод. Пока я искала вещи и кассу, наши пассажиры уже брали билеты. И когда впереди меня в очереди осталась одна женщина, ей сказали, что есть только один билет до Минвод, но поскольку ей надо было три билета, я вырвала этот билет фактически из ее рук и помчалась на автобус, который уже отходил в Минводы. Но это другая история.

Если тебе все еще интересно, то, как кажут у нас в Україні, — ДАЛІ БУДЕ...

Игорь, расскажи о своей поездке: как прошел показ фильма, как тебя приняли, что ты видел?

*Целую. Я.
03.02.08 Одесса. S.S.S.*

Света! Жду с нетерпением окончания твоей истории!

Я вернулся из Монтобана. Все прошло замечательно. Меня встретили на вокзале с машиной, разместили в старинной шикарной гостинице, повозили по городу, рассказали его историю. Город очень красивый. Я там был уже один раз шесть лет назад. К сожалению, мне опять не удалось посетить музей Энгра, он закрыт в воскресенье утром. Хотя я уверен, что лучший Энгр в любом случае в Лувре, но все-таки жаль. На просмотре фильма было много народа. Приняли фильм очень хорошо. После филь-

ма — бурное обсуждение, интервью, потом ужин для высоких гостей в дорогом ресторане. Из гостиницы меня любезно отвезли на вокзал.

И вот я уже в своей уютной квартире пью утренний кофе с сигаретой.

Итак, вернемся к твоей невероятной саге о путешествии... Какой-то страшный XIX век...

*Целую. Игорь.
04.02.08. Париж.*

Игорь, очень рада, что твоя поездка удалась и что у тебя встреча была плодотворной и интересной. Думаю, что будет и следующий раз, хотя бы для того, чтобы посетить музей Энгера. И еще подумала, как далеко от меня сейчас Лувр! И как это жаль! Хотя, может быть, я опять побываю в Париже. Действительно, это город, в который хочется возвращаться, город мира, в котором каждый человек находит для себя именно то, что ему близко и мило его сердцу. Да и, кстати, ведь уже доказано, что мысль материальна, и она, как и правильно сформулированная мечта, вполне может осуществиться. И это на моей практике уже бывало не раз, но главное — моя любовная история с Одессой. Немного отвлекусь от основной темы, но это тоже интересно.

В Одессу я часто приезжала еще со школьного детства — и сразу же влюбилась в этот город. То мы путешествовали с папой на машине, останавливаясь в художественном училище или в палатке на косе за Крыжановкой между лиманом и морем, писали этюды. То я приезжала по путевкам в пионерские лагеря, расположенные на Люстдорфской дороге.

Во второй половине 60-х появились магнитофоны, а с магнитофонами песни Высоцкого, Окуджавы, Галича и песни блатные, одесские. В одесских песнях и литературных произведениях все названия улиц были исторические. А когда в очередной свой приезд в пионерский лагерь я решила обследовать Одессу, то оказалось, что исторических названий улиц, кроме Дерибасовской, не существует. Дерибасовская есть, а Ришельевской нет. И вся трагедия заключалась в том, нет ЭТОГО УГЛА. Я была несказанно удивлена и возмущена: как можно было переименовать улицы, которые олицетворяли собой этот город с необыкновенной историей и литературой? Негодованию моему не было предела, о чем я говорила всем своим друзьям и писала в письмах домой. Кроме того, писала, что хотела бы жить в уютной и солнечной Одессе. Это, конечно, со временем все забылось. И вот после всех моих перипетий я остаюсь одна с сыном без работы в прекрасном, но на тот момент совсем не изведенном мною городе Одессе.

Смутные 90-е годы, распад Союза и всего, что с этим связано. Из-за отсутст-

вия заказов прекращает свою деятельность художественный фонд, на творческие работы не проживешь, заказы на рекламную продукцию сокращаются, работа в кино была хотя и плодотворной, но очень недолгой: денег на производство фильмов нет. Все, кто может, уезжают работать на киностудии в Москву или Ленинград (которому, кстати, теперь уже тоже возвращено историческое название — Санкт-Петербург, правда, Ленинградской области). Первая в мире Одесская киностудия начинает постепенно умирать. В этом безвременье и безденежье мне предлагают постоянную работу в государственном учреждении. Я с благодарностью отказывалась от этого предложения, не понимая, как можно променять свободную творческую жизнь на "геркулесовскую", как в "Золотом теленке". Мои отказы не принимаются, и первое задание, которое я получаю, — это работа по возвращению улиц Одессы их исторических названий. Вот тут-то и вспомнилось мое юношеское увлечение Одессой. Вот тут-то я и поняла, что думать и хотеть надо очень осторожно, тем более писать на бумаге, а то вдруг сбудется! И как подтверждение этому, при разборке бумаг перед ремонтом квартиры выпадает откуда-то мое письмо, написанное еще несформировавшимся детским подчерком из одесского пионерского лагеря, адресованное отцу. В нем идет речь о желании жить в прекрасном городе Одессе и возмущении о том, что исторические названия улиц были изменены, а они так важны для сохранения легенды именно этого необыкновенного города. Откуда взялось у меня это письмо — один Бог знает. Но зато все стало на свои места. И мои вопросы, почему я оказалась здесь после стольких потерь, и что мне делать дальше, отпали сами собой. Я для себя решила, что вернуть городу его славную историю и непосредственно участвовать в этом процессе — это именно моя такая важная и возвышенная задача. От таких мыслей у меня появился смысл в моей дальнейшей работе и жизни в Одессе. А может быть, это была просто попытка оправдать свою измену творчеству из-за хаоса, который наступил в нашей разодранной на куски стране, и желание просто выжить. В любом случае, решение было принято, выбор был сделан, начался новый этап в моей жизни, затянувшийся на долгие годы. Но это уже совсем другая история.

Однако вернемся к истории моего путешествия. Итак, я продолжаю.

Глава № 3

Случайная развязка

Ну вот. Автобус был рейсовый Ростов — Минводы, а не международный. Но он оказался несказанно лучше, чем ТОТ "сарай", что остался по-

чью в степи недалеко от Гуляй-Поля. Интересно, что с ним стало? Хотя, конечно, до комфорта и в этом автобусе было очень далеко, но ГЛАВНОЕ — у меня было МЕСТО, и Я СИДЕЛА. Я никогда не думала, что по такому незначительному поводу можно так радоваться.

Ехали долго. Автобус останавливался по расписанию в каждой станции. По поводу туалетов и станций — даже не знаю, как написать, и надо ли. Какая-то дремучесть во всем: серо-черные люди, грязь, разруха, зеленые облезшие панели, горелые пирожки, жаренные на подсолнечном масле, но деньги берут за все лихие. И самое неприятное — это запах. Запах советского времени в самом худшем его понимании, хотя теперь понимаешь, что далеко не так все было плохо в нашей лоскутной советской стране.

Приехали на станцию Тихорецкая. Просто, как в известной песенке. И опять случилось непредвиденное событие: или наш автобус кого-то сбил, или он въехал в какую-то машину, но водителей забрали в милицию составлять протокол, и мы там простояли около трех часов. А поскольку на улице все еще дул сильный ледяной ветер, в салоне очень быстро стало холодно. Выяснилось, что рядом со мной под окном дыра, из которой очень дуло. Я попыталась заткнуть ее сумкой. Удалось это мне наполовину. "Дуло" совсем не исчезло.

Позвонила в Ессентуки Кирпичеву и сказала, что ТОТ автобус сломался, что я еду уже на совсем другом автобусе, и не в Пятигорск, а в Минводы, но в Минводах буду не по расписанию, а неизвестно когда, потому что водители находятся в милиции, и потому что все время какие-то препятствия. Саша был весьма обеспокоен моим сообщением. Он сказал, чтобы я позвонила, когда мы уже приедем в Минводы, он выедет из Ессентуков в Пятигорск, а я из Минвод в Пятигорск на рейсовом автобусе. Оттуда он меня заберет. На том и порешили.

Наконец-то водители вернулись, и мы отправились в дальнейший путь. Природа за окном меня не вдохновляла. Степь, степь, разруха, пыль и холод. За мной сидел молодой человек, которому было скучно ехать, и он все время болтал с друзьями и подругами по мобильному телефону. Хочешь не хочешь, но мне было слышно практически все, что он говорил. В основном, это была просто болтовня, но один разговор меня и удивил, и порадовал: "Сейчас будет такая-то станция, — говорил молодой человек, — потом такая-то, а потом, наконец-то, моя! Как я люблю этот мой город, как мне в нем уютно! Это самое лучшее место на всем земном шаре, в котором я себя лучше всего чувствую, в котором у меня столько друзей и все такое родное!".

Я ждала с нетерпением, когда же придет молодой человек, и я увижу самое лучшее место на земле. И я увидела... Поистине, как в том анекдоте: "Сынок, это же НАША РОДИНА!". И в очередной раз я подумала, в каком благословенном солнечном и прекрасном городе мы живем! Как нам повезло! И как для человека важно само понятие "РОДИНА"! Но почему наша родина какая-то убогая? Народ, что ли, в ней такой убогий? И просвета не видно никакого. Даже вся ЭТА ДОРОГА характерна для НАШИХ постсоветских стран и для НАШИХ пассажиров. Получается, что это НАША ДОРОГА, по которой МЫ должны пройти, может быть, чтобы что-то понять и как-то измениться. А может быть, тут и понимать ничего не надо. Отрабатывай то, что тебе положено, не вникай и не умничай.

Постепенно вся русская публика поменялась на кавказскую, и женщин осталось только две, включая меня. Вторая была девушка лет 25-27, которая начала подтягиваться ко мне поближе. Из ее немногочисленных предложений я поняла, что она приехала в Россию через Прибалтику из какой-то заграницы и пребывала в жутчайшем депрессивном недоумении по поводу того, что творится во всей России, потому что она проехала через всю страну с севера на юг и насмотрелась всей этой российской жизни и российского сервиса. Вечерело, и нам с ней стало как-то не очень уютно в этой кавказской мужской компании.

Не доезжая Минвод, и ЭТОТ автобус сломался. Было уже совсем темно. Народ, оставшийся в автобусе, начал возмущаться: "Какой плохой рейс! Как долго едет! Все время какие-то проблемы!". А я сидела и думала: странно, чего они возмущаются, — они не ехали ТЕМ рейсом. При этом у меня постоянно возникал один и тот же вопрос: поскольку препятствия возникали на МОЕМ пути, может быть, мне вообще не надо было ехать? Я гнала от себя плохие мысли, но они возвращались. Потому что все происходило как-то не так. Нестыковка какая-то.

Водители открыли крышку в полу автобуса и нырнули туда с головой, что-то продувать или что-то закачивать. Я опять позвонила Кирпичеву. С радостью ему сообщила, что и ЭТОТ автобус сломался, и чтобы он постарался как-то приблизить нашу долгожданную встречу, потому что мне уже до чертиков надоела вся эта бессонная езда в холоде и голоде и что я уже очень даже полна замечательными впечатлениями от дороги и путешествия в автобусе. Он был озадачен очередным моим сообщением и одновременно удивлен такому моему радостному настроению. А мне уже было все нипочем! Главное, чтобы не было войны! — так всегда в тяжелых ситуациях говорили наши родители. Саша сказал, что будет что-то приду-

мывать. Через какой-то промежуток времени автобус все-таки завелся, и мы доехали до Минвод, а там и Саша на машине подоспел, нашел автобус и вынул меня из него.

Кирпичев не изменился, просто постарел. Саша был высокого роста — под два метра. В студенческие годы его длинное лицо с маленькой бородкой и маленькими приподнятыми усиками окаймляли вьющиеся русые длинные волосы. Глаза небесно-голубые с густыми закручивающимися ресницами очаровывали не только женский пол. Этот взгляд светлых глаз с какой-то смешливой искоркой и широкая открытая улыбка сражали наповал всех педагогов, которые пытались Сашу воспитывать.

Сейчас только понимаешь, что это был образ если не д'Артаньяна, то, наверное, Арамиса. Отличался он всегда своими неординарными суждениями, взглядами, видением и не боялся их высказывать. Он не боялся ничего: ни житейских, ни материальных, ни моральных проблем. Станным образом он был свободен от общества и социума, в котором жил. То есть это общество должно было приноравливаться к нему, а не наоборот.

Да, маленькая подробность: у Саши было четыре жены. Первая — еще в молодые годы, когда он перевелся к нам в институт на второй курс из Смоленска, тогда-то мы с ним и подружались. Он был очень талантлив, ему все давалось легко и, наверное, поэтому был "пофигистом". Какое-то время он жил в институте в аудитории нашего курса. Денег не было, чтобы снять квартиру, общежитие тогда еще не построили, и многие студенты находили приют в самом богемном вузе нашего города, который был похож на небольшой уютный замок с башенками, черепичной крышей и мансардами, в которых располагались аудитории. Саша был одним из таких студентов-постояльцев. Но при этом умудрялся всегда опаздывать на занятия или вообще не приходиться. Но если он появлялся, то любое его прикосновение к бумаге, холсту, глине становилось шедевром. Шедевр он мог создать за одно-два занятия. Особенно у него получались портреты. Кроме необыкновенной внешней схожести он точно улавливал внутреннюю суть человека. Всегда за свои работы он получал оценку "отлично", и его ставили в пример, а работы забирали в методический фонд. Но за безалаберное поведение вызывали в деканат, грозились лишить стипендии и отчислить. Иногда я его приглашала домой пообедать. Иногда у меня дома мы шили Саше брюки на немецкой машинке "Зингер", чтобы ему можно было хоть что-то на себя надеть. Он стал подрабатывать, снял квартиру, к нему приехала его первая жена. Тогда же и родился первый сын, которого он назвал Ричард Кирпичев. Но его жене что-то не понравилось, она забрала Ричарда и уехала обратно

в Белоруссию. Саша развелся. Я его познакомила со своей подругой, и они поженились. Он жил в пятикомнатной квартире своей второй жены — художницы, которая находилась в центре города, о чем можно было только мечтать, никто его оттуда не выгонял, жили дружно и творчески. Но после окончания института Саша опять проявил себя неординарно и взял распределение в сибирский город Кемерово. Он предпочел быть независимым от мешанских представлений о жизни и карьере, быть хозяином своей жизни и не цепляться за блага жены. Вторая жена вместе с их сыном Василием Кирпичевым вынуждена была поехать с ним в Сибирь, оставив пятикомнатную квартиру. Но она оказалась не женой декабриста, не смогла жить в этом суровом климате и вернулась в родной город и свою квартиру. Саша опять женился, но быстро развелся, потому что третья жена не выдержала его творческой свободной жизни. Его необыкновенный талант растворился на бескрайних просторах Сибири. Любая творческая работа, которую он делал, попадала от кемеровского отделения Союза художников СССР на отчетные региональные и всесоюзные выставки в Москву и получала всяческие награды и премии, что, конечно же, не давало покоя местным художникам и вызывало только зависть и интриги. Но и это Сашу не волновало, потому что он совсем не собирался пополнять своей яркой фамилией перечень заслуженных и "перезаслуженных" художников Советского Союза, к творчеству относился легко и несерьезно. Больше всего ценил дружбу, помогал всем и вся и боролся за справедливость.

Покорил Сибирь Кирпичев глобально, как Ермак. Он создал производственно-творческую фирму по изготовлению одежды сцены, единственную на всей территории России за Уральскими горами. Причем кроме главного художника, организатора, вдохновителя, распорядителя, директора, он сам выполнял эскизы, следил за производственным процессом и конечным результатом. Мотался по бескрайним просторам Сибири и создавал шедевры сценической одежды. Перебравшись в Ессентуки, он не оставил свою театральную деятельность. Женат он был на четвертой молодой жене — Анне. У них родился совершенно гениальный сын Илья Кирпичев, такой же свобододолюбивый и неуправляемый, как его отец. Кирпичев-старший со всеми своими сыновьями и женами общался и всем помогал.

Приехали мы к нему домой часов в одиннадцать вечера. Первый сын Ричард Кирпичев (который вынужден был в белорусской школе сменить фамилию родителя, потому что имя никак не соответствовало фамилии, и стал Ричард Шушкевич) вместе со своей девушкой уже прибыли в Ессентуки раньше меня.

Назавтра ожидался приезд среднего сына Василия (который тоже сменил фамилию отца на фамилию деда, мотивируя тем, что живет в Украине, русская фамилия ему мешает, и стал Василь Кондратенко), тоже с девушкой.

Семья меня ждала к обеду и была страшно голодна. Условия у него в доме вернули меня к действительности. Дом двухэтажный, просторный, ремонт с большим вкусом по самому последнему слову дизайнера. Все, что надо, — деревянное, а дерево везли из Сибири. Мне выделили отдельную комнату на втором этаже с балконом и видом на Эльбрус-красавец. Сразу посадили в джакузи со всеми приборками, потом накрыли очень вкусный поздний обед, или запоздалый ужин. Я привезла "Українську перцовку" и украинское сало, как положено. Россия и Украина, несмотря на все разногласия политиков, объединились за одним столом. Согревшись от такого теплого и вкусно-го приема, я совсем разомлела, и меня отправили спать в уютную свежую постель. Казалось, весь этот путь с невероятными приключениями был просто во сне. Или даже и быть такого не могло в наше-то время.

Но опять и опять возникал тот же вопрос: зачем мне были посланы такие препятствия и такие испытания? Может, меня сюда просто не пускал Господь Бог, и мне тут не надо быть? Может быть, это мое пребывание здесь небезопасно? Оставшись без ответа, я сладко уснула...

Спокойной ночи!

Далі буде...

Целую. Я.

04.02.08. Одесса. SS.S.

Света, жду второй том!!!

По-моему, ты можешь все это опубликовать. Хорошее название "XXI век. Путешествие на Эльбрус".

Такого ужаса, мне кажется, я давно не слышал, не читал и даже не мог бы себе представить. Может быть, такого рода события заставляют посмотреть на окружающее другими глазами? Увидеть людей и события в другом ракурсе? Подчеркнуть относительность всего? Кто знает...

Я сегодня прождал назначенную и подтвержденную важную встречу полтора часа, после чего она была перенесена. Много лет тому назад, наверное, это задело бы меня за живое. Сегодня же... я подтвердил, что приду завтра в назначенное время, и ушел. Как еще можно на это реагировать? Кому больше надо, вытерпит все? Мне очень надо, я и терплю (не всегда, правда). Когда в очередной раз к завтраку мне забыли принести

свежие круассаны, пришлось пойти в кафе и устроить скандал хозяину. За что им деньги платят?

Жду продолжения или окончания твоей страшной истории. Как же ты вернулась обратно? Тем же путем?! Я не поверю!!!

*Целую. Игорь.
05.02.08. Париж.*

Игорь, я и не думала, что своим рассказом вызову у тебя такой бурный интерес. Приходится писать дальше. И пока пишу, сама удивляюсь всему этому путешествию.

Конечно, ты прав. Жизнь идет, и мы меняемся, и конечно же, на многие вещи смотрим и реагируем по-другому. И если в молодости мы были максималистами, я имею в виду себя в данном случае, то теперь давно уже все изменилось. И чем становишься взрослее, тем терпеливее, спокойнее, прощаешь всех и вся, хочется больше помогать и давать людям, с благодарностью и любовью относиться ко всему, что с тобой происходит, и ко всем, кто тебя окружает, и может быть, это и есть мудрость.

Но продолжаю.

Глава № 4 "Расслабуха"

Утром я проснулась в солнечной комнате. Меня никто не будил и не входил ко мне. Несмотря на то, что время было уже позднее, я еще немного поблаженствовала в уютной постели. Внизу раздавались голоса, но они мне совсем не мешали. Наоборот, было приятно почувствовать себя в семье, как когда-то в далеком детстве: в воскресенье за дверью твоей комнаты уже идет бурная жизнь, но тебя стараются не будить и дать подольше поспать после трудной школьной недели.

Когда я спустилась вниз, оказалось, что завтрак уже состоялся, просто после двухдневного путешествия меня не хотели тревожить. Хотя тут же мне предложили позавтракать, и во время уже моего завтрака Аня, Сашина жена, сказала мне: "Когда ты сообщила, что поедешь автобусом, мы не хотели тебя расстраивать тем, что два месяца назад автобус Одесса — Пятигорск подорвали боевики. Правда, взрыв сработал тогда, когда уже почти все вышли, и жертв не было". Я ответила: "Спасибо, ребята, но обратно в любом случае я на автобусе не поеду. Поехали брать билеты на самолет!".

Мы с Сашей поехали за билетами обратно в Одессу. Семья осталась

собираться в Приэльбрусье, так как на следующий день в девять утра за нами должен был приехать микроавтобус из гостиницы возле горы Четет. Саша через Интернет нашел уютную гостиницу и забронировал номера.

В процессе процедуры приобретения билетов выяснилось, что рейсов на самолет Минводы — Одесса не существует. И в Одессу кроме автобуса можно добраться на поезде, но с пересадками. Кроткий вариант: Кисловодск — Ростов, Ростов — Одесса, но билетов нет. Длинный вариант: Кисловодск — Москва, Москва — Одесса. Средний вариант: через наш с тобой родной город. Как ты думаешь, что я выбрала? Правильно мыслишь: последний вариант. И надо же! Даже в голову не пришло, что можно лететь в Одессу через столицу Украины — славный город Киев, колыбель земли русской.

Остаток дня прошел премило. Мы с Сашей гуляли по Эссентукам, вспоминали чудесные студенческие годы, ходили к скважине с минеральной водой, набрали в дорогу воды "Эссентуки № 17", приехали домой, дождалась приезда среднего сына и весело всем семейством отужинали. Опять уютная ночь, а в 9.00 утра нас уже ждал на микроавтобусе кавказец, и поехали мы в горы...

Я села впереди рядом с водителем, и поэтому смогла фотографировать весь наш путь по извилистой горной дороге. И хотя ветровое стекло было грязное и разбитое, тем не менее, фотохроника у меня получилась преемственной. Отправляю тебе пару видов Баксанского ущелья, по которому мы ехали в Приэльбрусье.

Это еще не конец истории. Середина или четвертая часть? Даже не знаю. Но несколько интересных историй еще есть.

Далі буде...

Целую. Я.

05.02.08 Одесса. SS.S.

Глава № 5

Назад в прошлое и обратно

Водителя, с которым мы ехали, звали Арсен. Он сказал, что отношение к туристам в Кабардино-Балкарии хорошее, потому что они понимают, что туристы — это возможность местным жителям заработать деньги. Правда, хотя в Карачаево-Черкесии тоже это понимают, но на Домбае условия и отношение к приезжим не такие хорошие, как в этих краях.

Через живописное Баксанское ущелье по серпантину мы добрались за три с половиной часа в нашу гостиницу, которая называлась "Поворот".

Расположена она была за поворотом дороги совсем в лесу, но недалеко от горы Чегет и от самой реки Баксан.

Гостиница была новой и комфортабельной. Сервис, номера, баня-сауна, бильярдная, ресторан, а также двухразовое питание и отношение персонала — все высший класс.

Рядом с Чегетом — каток, рестораны, кафе, шашлыки, местный базарчик. Вечером мы всей большой компанией пошли выбирать себе горные лыжи с ботинками.

Ботинок оказался, как испанский сапог, и я поняла, что этот сапог не для моих нежных ножек. И в принципе, я не ради лыж сюда приехала, а ради гор. Лучше просто полажу где-нибудь по горам одна, пока ребята будут кататься на лыжах. Поднимусь наверх, по возможности поближе к Эльбрусу, чтобы насладиться красотой гор. Так я себе решила.

На следующий день мы на маршрутке поехали в долину Азау, откуда начинается подъем на Эльбрус. Вся компания решила попробовать себя на прочность на нижних не очень сложных трассах — так безопасней, а я поехала на подъемнике наверх. Тут надо сделать небольшое отступление и вернуться на 35 лет назад. Да... ну и число!

В конце 1970-х я в этих краях уже бывала. Если ты помнишь, я тогда увлекалась альпинизмом и была помешана на горах, на В. Высоцком, Н. Рерихе, Р. Кенте и др. В те годы это был совсем необжитый край, он сильно отличался от того, что я увидела сейчас. Поселок Чегем был маленький, гостиница — одна, небольшая. Мест, как обычно в советских гостиницах, почему-то не было никогда. В вершину горы Чегет вросло кафе "Ай", здесь часто бывал Владимир Высоцкий. Он на лыжном подъемнике поднимался наверх, сидел днями в этом кафе с завораживающим видом на Кавказский хребет, Эльбрус, ущелье, пил водку, сочинял песни и пел. Здесь бывали и Юрий Визбор, и многие другие НАСТОЯЩИЕ люди. Лыжные трассы были только на Чегете. А к Эльбрусу нужно было сначала долго идти пешком от поселка по заснеженной дороге к подъемнику. Потом можно было подняться на подъемнике до площадки с отметкой 2.800 м над уровнем моря. А потом — все. Вверх уже шли только хорошо подготовленные альпинистские группы до Приюта Одиннадцати (4.800 м). На Приюте они останавливались для адаптации на пару дней, потому что воздух на такой высоте был достаточно разрежен. Там оставляли вещи, брали с собой самое необходимое и совершали уже налегке восхождение на Эльбрус (5.800 м). Во время войны здесь шли большие бои наших войск с немецкой группой "Эдельвейс", о чем в своей известной песне

и написал Высоцкий. Приют появился после войны специально для отдыха и адаптации альпинистов перед восхождением на двуглавый Эльбрус.

Тогда, в 1970-х, нас было двое, мы пешком дошли до подъемника, который представлял собой вагон. Поднялись вверх до отметки 2.800 м. Вышли, и опьяненные красотой гор и белизной снега, решили идти по альпинистской тропе вверх. Долго шли, фотографировали всю эту невероятную красотень. У меня был тогда модный фотоаппарат "Зенит", экспонометр, черно-белая пленка 65 единиц, и хотя руки отмерзали, но... Солнце сияло, снег искрился, снежные шапки Эльбруса перед тобой, вершины гор Кавказского хребта сверкают за тобой. А ты молод и тебе ничего не страшно. Забыли обо всем. Шли и шли вверх, наслаждаясь величием гор и безмолвием. Прав был поэт: "Весь мир под ногами, ты счастлив и нем..."

Через какое-то время нам встретилась группа альпинистов, которая спускалась вниз. С большим удивлением они посмотрели на нас, но ничего не сказали, пошли вниз, а мы — дальше вверх. Так мы дошли до ледяной расщелины. Я сфотографировала свою тень через нее. Расщелина была шириной метра полтора, бесконечно глубокой и сине-голубой. К счастью, хватило ума дальше не соваться. Насладившись красотой неземной и ослепительным блеском, стали спускаться. И когда мы вернулись к канатной дороге, оказалось, что она работала до 17.00 часов и была уже закрыта.

И мы тогда поняли, почему спускались альпинисты, но не поняли, почему они нам ничего не сказали. Кроме этого мы обнаружили, что солнце только здесь наверху, а внизу в ущелье уже мрак. Что делать? Дороги нет НИКАКОЙ, даже тропинки. Солнце быстро село за горами, и здесь тоже резко стало темно. Январь месяц. Чтобы не заблудиться, решили спускаться от станции под тросами, которые тянули вагончик.

Это можно было совершить только в 20 лет. Мы не знали, где мы идем. Вокруг был один снег и горы. Мы шли по нему, проваливались, выбирались, опять проваливались, перелезали через какие-то камни, продирались сквозь какие-то кусты. Наступила совсем непроглядная темень. Только мириады звезд сверкали на темном небосклоне. И если лечь на снег отдохнуть, казалось, что ты просто паришь в небе и сам становишься одной из звезд. А вставать иногда совсем не хотелось от усталости и очень хотелось парить дальше. К счастью, каким-то непостижимым образом мы спустились к дороге, а потом еще четыре километра шли пешком до поселка. Со всех сторон нас сопровождали темные заснеженные горы. Пришли в поселок часа в четыре утра — мокрые, грязные, но живые. На следующий день, выспавшись и высохнув, решили посмотреть, где же мы

все-таки шли, и ужаснулись. Снега вокруг дороги было валом. Он свисал с гор причудливыми формами. Везде лавиноопасные зоны и громадные надписи: "Осторожно, лавины!". Когда мы накануне поднимались в вагончике, почему-то на эти опасности не обратили внимания. Тогда мы видели только красоту и ощущали восторг от всей этой нетронутой белизны и высоты, которые окружали нас. От страха засосало под ложечкой и стало не по себе. Но яркий день, солнце, блеск снега, величавость гор и твоя причастность к этой красоте все уравновесили достаточно быстро.

В ту пору жителей и туристов в поселке было немного. Стада овец паслись рядом с дорогой на солнечной стороне, где не было снега, и зеленела трава. Овцы очень красочными черно-бело-коричневыми пятнами распределялись на склонах гор. Была какая-то идиллия и в ленивых пастухах, и в еще более ленивых овцах, пасущихся на зеленой траве, вокруг которой лежит белый снег.

Кроме того, в поселке был деревянный сруб, как в романах у Э. Хемингуэя. Днем это была столовка, а вечером там собирались местные кавказские мужчины, поговорить, покурить, выпить самогона и закусить. А закусывался этот самогон почему-то только кониной.

А я, конечно же, была большая поклонница всего настоящего и решила посетить вечером это заведение, попробовать самогон и конину. В ту пору, по кавказским традициям, женщины туда в это время суток не допускались, но мне повезло. На меня косились все вечерние посетители этого заведения — кто с любопытством, кто непримиримо, кто осуждающе, но мое присутствие вытерпели, и никаких замечаний не было произнесено в мой адрес. Поэтому мне надо было достойно выдержать испытание на прочность. Я, как заправский мужик, сделала заказ, как положено, выпила самогон, съела конину, выкурила сигарету и благополучно ушла, оставив всех в недоумении. Надо сказать, что конина оказалась очень вкусной, хотя мясо было несколько суховатое. Правда, потом я всегда отказывалась от ее употребления: ведь это были ЛОШАДИ, которых я очень люблю, только потому что это ЛОШАДИ, а не мясо.

Ну вот, Игорь, теперь ты понимаешь, как мне было интересно увидеть ЭТОТ маршрут и ТЕ места, с которыми связаны воспоминания юности?!

Ну что... Конечно, меня постигло разочарование. Никогда еще цивилизация не сделала никакого блага ни для природы, ни для человека, по большому счету. Маршрутки едут вниз по ущелью к нижней станции того самого подъемника. Там большой базар местных изделий: овечьих шкур, вязаных вещей, горных трав, горного меда, разные забегаловки типа шашлыч-

ных. Горы пластиковых бутылок и всякого мусора. Оттуда начинаются горнолыжные трассы вверх к Эльбрусу или наоборот: заканчиваются вниз. Но увидев этот промежуток от станции нижней до станции верхней, я осталась еще в большем недоумении: как мы тогда дошли? Зимой сейчас выпадает снега мало, и он утрамбовывается для лыжных трасс. И от верхней станции к нижней станции проложен лыжный маршрут. И эти камни, скалы, горы далеко внизу от тросов, которые тянут вагончик и которые у нас были ориентиром над самой нашей головой. И я поняла, что фактически мы тогда шли просто по заледенелой снежной кромке, почти по воздуху, а земля была далеко внизу, мы могли провалиться в любой момент очень глубоко, и нас бы никто и не искал, потому что мы были без группы, и о нас даже никто не знал. Вот она, самодеятельность! Я стояла в оцепенении, вспоминая ту темную, звездную, таинственную и такую страшную ночь.

Все Сашино большое семейство принялось надевать лыжи. А я предпочла подняться наверх, вспомнить ТО состояние юности и посмотреть, как ТАМ теперь. Тот же вагончик поднялся на первую станцию (2.800 м). Там все выходили, и можно было спускаться на лыжах вниз по лыжным трассам или подняться следующим новым вагончиком до станции "Мир" на высоту 3.800 м.

Отсюда тоже были проложены вниз лыжные трассы. Построена шашлычная из камня. Установлен памятник советским солдатам, погибшим здесь во время Великой Отечественной войны. А рядом со станцией была стоянка рэтрэков (почти как трактор с прицепом), и оказалось, что они поднимаются к Приюту Одиннадцати. Для меня это была приятная и восторженная неожиданность. Я спросила у водителя стоящего рэтрэка, можно ли подняться к Приюту. Он сказал, что когда соберутся желающие, за определенную сумму поднимет. Тут с подъемника вышла команда джигитов в одинаковых костюмах и с лыжами. Он их быстренько усадил и собрался ехать без меня. Я спрашиваю: "А я?". Он говорит: "Мест нет". — "Ну, как нет? Ведь есть же куда сесть. Вы же обещали, а теперь берете только своих. Вы неправы". Отвечает: "Да, я неправ, но вас я не возьму. Поедете на следующей машине". Но история повторялась и повторялась. Как только возвращался какой-нибудь рэтрэк, откуда ни возьмись появлялись джигиты, и меня не брали. Я стала замерзать, но я же не могла спуститься вниз, без того чтобы не побывать на Приюте. Вернулся первый рэтрэк, мне в глаза он уже не смотрел, потому что опять вышла новая группа. Но я уже пошла молча напролом, и втиснувшись на деревянную лавку в прицепе между джигитами, все-таки поехала вместе с ними. Джигиты все как один были в горных очках

и молчали, поэтому их реакцию проследить не удалось. Рэтрэк за счет своей проходимости идет почти вертикально по камням, по склонам, и надо хорошо держаться за сидение, а то можешь выпасть. Кроме того, там дорога шла почти над пропастью, "по самому по краю"... Кроме того, своими лопастями он загребал снег и высыпал его на сидящих пассажиров в прицепе. И в конце путешествия все были в снегу, как снежные бабы.

Вот это, Игорь, и есть экстрим, а путешествие в автобусе — бесхозяйственность и дремучесть наших стран, их жителей, которые не уважают самих себя, и правительств, которые ненавидят свой народ, не думают об интересах и процветании страны, а только о себе любимых. Не сохраняют культуру и бесконечно переделывают историю под свои доморожденные новоиспеченные идеи. Странно, неужели они совсем не читают книг, или не поняли хотя бы "Мастера и Маргариту" и "Собачье сердце"? Наверное, как говорят, их бес попутал. Даже учеными уже доказано, что есть рай, ад и чистилище! Интересно, на что они рассчитывают? Однако скука от всего этого.

Приехали к Приюту, — а там ТАКОЕ великолепие, никаких слов не хватит. Только Высоцкого повторяешь про себя, которого уже давно нет в этой жизни, и не можешь оторвать глаз от этой вечной божественно искрящейся красоты, которая продолжает быть и будет всегда. Глаза, конечно, в горных очках, иначе смотреть долго не сможешь. От Приюта все, кто поднимаются, — спускаются на лыжах, а рэтрэки уезжают без пассажиров. Поднимаются туда немногие, потому что это достаточно высоко, и оттуда вниз идут сложные лыжные маршруты. Некоторые пьют шампанское, а пустые бутылки и пластиковые стаканы оставляют здесь же на снегу. Я с ужасом подумала о том, что если вечные снега растают, то тут обнажится отдельная гора из мусора. И Эльбрус можно будет назвать не двуглавым, а трехглавым. Опять же, вот неуважительное отношение, в первую очередь, к себе, своей стране и природе, которая тебя питает, дает жизнь, а ты ее и так и этак хочешь извести, не понимая, что весь мир уже на грани катастрофы, и планета становится мусорной свалкой. Яркий тому пример — заповедный полуостров Крым, заваленный пластиковым мусором. Где на ЮБК вечерами спускается едкий дым из постоянно тлеющей свалки, расположенной высоко в горах. И вместо лечебного и уникального в прошлом воздуха астматики вдыхают ядовитый дым, причем не подозревая об этом. Аналогичная картина в Карпатах: по горным рекам сплавляются пластиковые бутылки, которые вместе с мусором на поворотах русла образуют заторы. А благодаря незатейливым "лесорубам" возникают лысые горы с мертвыми пнями-корягами, похожими на громадных пауков. Из-за чего меняется климат, потоки

дождевой воды не задерживаются в горах, возникают оползни и наводнения, которые губят не только окружающую среду, но и ее жителей. Ну, а что "лесорубы"? Считают свои (?) срубленные "бабки", и им нет никакого дела до смытых населенных пунктов. На фоне всего глобального беспредела становится понятно, что очень скоро наступит момент, когда наша матушка-земля просто скинет с себя все ЭТО человечество. Причем вместе с сильными мира сего. Ей-то все равно, кто богаче и хитрее, а кто умный, но беднее. Высокие заборы и далекие острова никого не спасут. И откуда эта жестокость, ненависть и безразличие к своей ЗЕМЛЕ и себе подобным? И как объяснить человечеству, что необходимо с природой удерживать энергетический баланс, как, впрочем, и со всем остальным миром? Нельзя бесконечно брать, ничего не давая взамен! Нельзя бесконечно лгать! Нельзя оставлять за собой долги! Все это чревато необратимыми последствиями. Ведь это же аксиома! Извини, "...Остапа понесло".

Джигиты надели лыжи и поехали вниз. Рэтрэк уехал. Я осталась одна и пошла по заснеженной пустыне вверх к Эльбрусу. Как вершины манят к себе! И как хочется подняться на них, испытать восторженное чувство единения с вечностью! И чтобы вся красота этого до сих пор не разгаданного мира была у твоих ног! К сожалению, долго идти я не смогла — стала задыхаться. Разреженный воздух дал о себе знать очень быстро. Ведь адаптации никакой не было. Пришлось не спеша спуститься обратно к Приюту. Там я и осталась одна с безмолвием. Наслаждалась неземной красотой, глубоко-синим бесконечным небом, в которое хотелось улететь, блеском снега, захватывающей вечностью, суровостью гор и счастьем, что ЭТО Я, ГОСПОДИ! Я ЗДЕСЬ! Это Я здесь!

Время остановилось. Здесь его не было. Спускаться мне не хотелось совсем, как тогда, в 70-х. Как к себе притягивают горы, звенящая искристая тишина, захватывающая высота и какая-то непостижимая и вечная тайна! И главное — твоя причастность к ЭТОЙ тайне. Ты становишься ее частичкой, частичкой вечности.

Нарушил мое состояние невесомости Сашин звонок. Они всем семейством ждали меня внизу, не подозревая, где я нахожусь. Оказалось, что там уже темнеет. Я уговорила их не ждать и ехать в гостиницу. День заканчивался. Но это все как-то было от меня далеко и совсем не интересовало. Я была, как замороженная, как тогда, в юности. Даже двигаться не хотелось. Позже приехал какой-то рэтрэк, опять с джигитами, и я с большим трудом уговорила кавказца за определенную мзду спустить меня вниз. От подъемников в гостиницу по ущелью я уже возвращалась одна на попутной ма-

шине. И как когда-то, тоже было уже темно. Когда я вернулась, водитель маршрутки Арсен стоял возле нашей гостиницы. Я ему сказала: "Как же это так, Арсен, вы говорите, что местные жители хорошо относятся к туристам, а меня ВАШИ не хотели брать к Приюту, а брали только СВОИХ". На что он ответил: "Они не хотели вас брать, потому что везли группы боевиков, которые у нас на отдыхе".

Первая звезда ярко засветилась на темном небосклоне.

В этот день было Рождество...

Далі буде...

Спокойной ночи.

Целую. Я.

06.02.08. Одесса. SS.S.

***P. S.** Фото № 1. Под этими тросами я когда-то спускалась ночью.*

Фото № 2. А это — вид наверх с нижней станции долины Азау.

***P.P. S.** Тебе еще не надоело читать мое невыдуманное путешествие?*

Света, с нетерпением жду продолжения этого потрясающего кошмара!

Что может заставить человека в полном разуме (???) пуститься на ТАКОЕ, остается загадкой. Для меня. В то же время в этом безумии есть восторг и отчаянность! С другой стороны, представляешь, если бы твой сын рассказал тебе, что все ЭТО он проделал сам, то я думаю, что ты бы долго лежала в больнице от впечатлений. Когда что-то делаешь сам, не чувствуешь такой опасности. Видно только со стороны.

У нас испортилась погода, пасмурно, идет снег, и в квартире похолодало. Из окна видно засыпанную снегом площадь Пляс де Вож и памятник Людовику XIII, который превратился в неказистого снеговика.

Согреваюсь горячим глинтвейном. Жду следующую главу!

Целую. Игорь.

06.02.08. Париж.

Игорь, по твоему желанию пишу дальше... Хотя уже поднадоело. И конечно, я очень сокращаю множество интересных для повествования или для кинематографа деталей просто потому, что думаю: зачем подробно все описывать, ведь я же просто пишу тебе письма? Но любопытная вещь: пока пишу, я ЭТО перестала воспринимать таким кошмаром. И знаешь, такие вещи происходят не со всеми. То есть я хочу сказать, что с моим сыном такого произойти не может. Он другой, и у него, конечно, может что-то происходить в жизни, как, впрочем, у каждого человека,

но совсем другое. То есть то, что ему нужно. Риск и экстрим — это мое состояние. Иначе мне скучно и пресно жить. Богу — Богово, а кесарю — кесарево. То мне нужен покой и "думанье" или, как у Карлоса Кастанеды, "неделание", то срочно "надо что-то делать", а то я срываюсь и куда-то мчусь, и мне надо что-то увидеть, что-то пережить, чтобы получить какой-то новый опыт и какие-то знания, то есть заряд на ближайшее время. Во всяком случае, такое путешествие зачем-то МНЕ было надо. Ведь это же МЕНЯ туда потянуло. А может быть, я своим внутренним состоянием притягиваю к себе ТАКИЕ события? У человека всегда есть выбор пути, а вот сделать правильный вывод из всех историй, в которые ты попадаешь, или путей, которые ты выбираешь, к сожалению, не всегда получается. Опять же, туда ехало много людей, и у каждого своя история и свое видение окружающего мира. И каждый от своей поездки получил то, что ему лично причиталось. Так что очень важно научиться анализировать, видеть и слышать подсказки, и главное — слышать себя, свой внутренний мир. И ответы придут. Но получить ответы в нашей суматошной жизни — самое сложное дело. И самое главное — ведь никогда не узнаешь наверное, был ли правильно сделан выбор...

Глава № 6

Отдых

После этого моего подъема на Приют Одиннадцати и рассказа Арсена за ужином о том, что в прошлом году группа туристов, захотевшая поохотиться в горах, куда их повел местный егерь, случайно наткнулась в лесу на лагерь боевиков, и была расстреляна, а егерь хоть и был кавказец, подвергся пыткам, а позже тоже был убит, Саша с Аней сказали, что больше они меня ни на метр от себя не отпустят. Поэтому все остальное время было тихо и мирно. Ленивый отдых и гуляние в округе. Вечерами катались на катке возле горы Четет, сразу вспомнилось детство.

Я почти каждый день зимой ходила на каток. Самый престижный каток в нашем городе был каток под названием "Звезда" — каток для военных. Там было хорошее освещение, модная музыка, охрана и, самое главное, отличный лед. Я каталась на коньках, которые почему-то назывались "Таги". Самые крутые и дорогие в ту пору были фигурные коньки. Помнишь наши вечерние катания, хруст снега под ногами, свежий морозный воздух, крутящиеся под музыку и искрящиеся снежинки в свете прожекторов? Катание на катке возле Четета возвратило меня в то далекое про-

шное, и конечно, ностальгия замучила совершенным образом. Интересно, почему прошлое так притягивает к себе? Я замкнулась и перестала со всеми общаться. Предалась воспоминаниям, которые всегда почему-то идеализируешь. Потом одумалась, ведь ребята могут обидеться! Выкинула все ненужное из головы. Главное — это здесь и сейчас, и ты есть, да еще с друзьями, — и уже счастье! Вечерами после морозного и хрустального дня в теплой и уютной гостинице пили самогон отменного качества, который производится и продается в Эссентуках. Он расфасован в прозрачные литровые бутылки с чуть голубоватым стеклом и наклейкой из коричневой грубой упаковочной бумаги, на которой стоит печать синими чернилами с надписью "САМОГОН". Это просто классика! Закусывали мы этот замечательный российский напиток салом, которое растет в Украине, местными солеными грибами и кавказским горным медом.

В очередной солнечный и прекрасно-зимний день я повезла Сашино семейство на гору Чегет. Кафе "Ай" не претерпело изменения. А рядом было построено кафе "У Визбора", на стене которого установлена мемориальная доска Юрию Визбору. А в кафе размещалась небольшая выставка фотографий с Визбором в горах, на Чегете, в кафе среди друзей, тексты его песен. В душе моей — щемящая тоска. Ведь еще недавно все они были живые. Пели песни "вживую". А сейчас нет никого — горы и вечность. Согревались горячим глинтвейном и снятыми с огня беляшами прямо на вершине горы. С Чегета видна Баксанская долина с одной стороны, а с другой — Эльбрус и Кавказский хребет. На скалах напротив Чегета хорошо отпечатались какие-то заснеженные громадные знаки, наверное, только для посвященных.

Подъем и спуск соответственно на Чегет резко вертикальный, с большими пролетами между опорами. Висишь в кресле, покачиваясь, и дух захватывает: внизу следы каких-то животных, верхушки сосен, скалы, заснеженные горные глыбы. Лыжные трассы тут сложнее, чем на Эльбрусе. Когда покорение вершин закончилось, решили просто расслабиться в гостинице, отдохнуть, поиграть в бильярд. И за неспешным отдыхом я вдруг обратила внимание, что Анна постоянно исподволь наблюдает за нашим с Сашей общением. Иногда в ее взгляде появлялся конкретный вопрос, иногда появлялась откровенная ревность. Не знаю, спрашивала ли она о чем-то Сашу, но меня много расспрашивала о моей жизни, хотя и не акцентировала внимание на интересующей ее теме о наших с Сашей взаимоотношениях в юности, но оказалось, что эта тема ее очень волновала. Казалось бы, сколько лет-то прошло, даже если и что? И она же на-

много моложе меня! Но насколько развито в человеке чувство собственника, и как ему хочется владеть второй половиной, даже ее прошлым. И не дает покоя ревность в любом возрасте. Но ведь ревность — это не любовь. Когда любишь — веришь, а когда ревнуешь — хочешь безраздельно владеть. Вечная тема...

Ленивый отдых мне быстро надоел. Я долго не могу находиться в состоянии покоя, ты же знаешь, потому решила обследовать местность вдоль реки Баксан в лесу, отчего ко мне опять вернулось состояние восторженного счастья.

Река, переливающаяся серебром, замерзший и заснеженный лед над водой, завораживающее журчание горного потока, прогалины, холодные тени на искрящемся снегу, загадочные фигуры из заснеженных камней, стоящие на протяжении всего русла реки, сосны, светящиеся контражуром на фоне заходящего солнца, разнообразные следы зверей на снежном покрывале и какая-то особенно чистая кристально-прозрачная тишина, а вокруг горы. Мои любимые горы. Вот оно, счастье!

Конечно же, были и русская баня с травяным чаем и запахами сухих букетов горных трав, и шашлыки из бараньего мяса, приготовленные хозяином гостиницы, и горячие шурпа и глинтвейн. И вот уже обратная дорога с Арсеном в Эссенуки в Сашин уютный просторный светлый и теплый дом с видом на Эльбрус. Закончились воспоминания юности, закончилась мечта. Опять начиналась обычная жизнь.

Далі буде...

*Целую. Я.
07.02.08 Одесса. SS.S.*

Света, ты должна опубликовать рассказ о путешествии. Серьезно, безо всякого юмора. Это какой-то невероятный документ этого чудовищного времени. Мне просто не верится, что то, что ты описываешь, происходит сегодня, в XXI веке. В трех часах лета от того места, где ты находишься, есть Париж, Берлин, Прага. Это не соединяется в одну картину. Жду продолжения!

*Целую. Игорь.
07.02.08. Париж.*

Игорь, пишу дальше только по твоему желанию. Ох! Как тяжело быть писателем! Писать все время и писать...

Глава № 7

Эссендуки — Пятигорск

Оставалось два дня до моего отъезда в направлении к дому, и я предложила попробовать навестить нашего институтского друга Рафаэля, который когда-то проживал в Пятигорске. Саша был против, сказал, что прошло тридцать пять лет, и очень сомнительно, что он живет по тому адресу, что когда-то после окончания института записал мне на карте Советского Союза, которая висела на стене моей комнаты, и по которой я часто путешествовала. Я настояла, потому что если Саша окончательно будет жить в Эссендуках, то ему нужны знакомые люди.

Фамилию Рафаэля мы почему-то не помнили, наверное, это было принципиально. В институте его называли просто Раф. Он был среднего роста, крепкий, коренастый, с классической небольшой черной бородкой, темноволосый, с красивыми карими глазами, густыми черными ресницами, золотым зубом, золотым перстнем на руке и длинным ногтем на мизинце правой руки. Словом, настоящий армянин. Родители его отправили учиться на художника. Он очень старался, и даже у него что-то и получалось. Но ему была интереснее, как сейчас говорят, божественная художественная "тусовка". Раф очень отличался от студентов нашего института. Он был мастером спорта по велоспорту, приезжал в институт на спортивном заграничном велосипеде, каких тогда было не достать в СССР, в спортивной фирменной одежде: иностранных майке и бейсболке с надписью "Lacoste", обтягивающих велотреках до колен и специальной обуви, которая в нашей стране тогда не производилась и не продавалась. Очень отличался от полунитичих студентов нашего института. Всегда был обаятельный и веселый, чем и подкупал преподавателей. После окончания института он хотел остаться в нашем городе, но приехал отец и забрал его на родину, то есть в Пятигорск.

Мы поехали искать его по адресу, который остался у меня в памяти. Нашли улицу и дом. Я долго стучала в калитку, потом в окно. И наконец-то занавеска отодвинулась, и в окне появился Рафаэль. Судя по его остолбеневшему лицу, он не понимал, чего от него хочет какая-то странная парочка. Я махала руками и кричала, чтобы он открыл калитку и нас впустил.

После довольно продолжительного остолбенения занавеска задвинулась, и Раф исчез. Какое-то время его не было. У нас в глазах появился вопрос: появится ли он? Но наконец калитка открылась, и Раф вышел к нам

в домашних тапочках и уютном махровом халате. Я ему все старалась объяснить, кто мы, но от меня, шумной, выражающей свои эмоции жестами рук, у него вообще был столбняк. После продолжительного остолбенения, в конце концов, он вспомнил институт, узнал Кирпичева, хоть и сибирский климат не пошел ему на пользу. А вот меня теперешнюю не воспринимал совсем. То есть он-то меня помнил, но не узнавал. И он прав: той меня совсем уже давно нет, потому что я очень постаралась измениться. Наверное, и эта моя затея удалась. Раф сказал, что он не видит во мне ту тонкую и изящную молчаливо-загадочную и необыкновенно талантливую девочку с длинными распущенными волосами, грустно-голубыми глазами, которые окаймляли густые черные ресницы, и в которую было влюблено пол-института. Конечно же, я с этим беспрекословно согласилась, потому что та неземная девочка осталась в другом измерении и не смогла выжить в жизненной мясорубке, в которую она попала. Опять таки: выбор когда-то был сделан. Кто может сказать, был ли он правильным?

Рафаэль совершенным образом был удивлен таким гостям, никак не мог свыкнуться с мыслью, что мы — это мы. В конце концов, он пришел в себя, пригласил в дом, поставил чай и ром "Капитан Морган". И мы замечательно предались воспоминаниям о чудесных студенческих годах и обо всем, что с ними связано.

В отличие от Саши и меня, он совершенно не изменился, хотя ему стукнуло 60 лет. Только стал еще плотнее, хотя я бы сказала, круглее, и чуть лысее. Наблюдая за Сашей и Рафом, я все время пыталась понять, кого же они мне напоминают. И надо же! После очередной рюмки рома меня вдруг осенило: да это просто классические Дон Кихот и Санчо Панса. Ай да парочка! Кирпичев из молодого мушкетера превратился в стареющего Дон Кихота, изображенного на гравюрах Доре, а Раф из благополучного армянина — в предприимчивого Санчо Панса. Интересно, а кто же у нас будет Дульсинеей Тобосской? Уж не я ли? Ах! Как приятно замахнуться на классику и с головой окунуться в романы!

Оказалось, что Раф не живет в этом доме. Это родительский дом. После развода со второй женой и смерти родителей у него был инфаркт, он вернулся в родительский дом на время, чтобы выкарабкаться. В доме живет его дочь-красавица. На следующий день Раф собирался уезжать в Краснодар, где находится строительная фирма, владельцем которой он является. Дома он оказался только потому, что было воскресенье. В другие дни мы бы его не застали. Вот так загадочным образом пересекаются судьбы. Выяснилось, что после окончания института художеством он ни-

когда не занимался. А когда меня прижали к стенке, пришлось рассказать и про выставки, и про кино, и показать фотографии моих графических работ, которые остались в фотоаппарате. После чего повисла какая-то долгая неловкая пауза. Каждый задумался о своем жизненном пути, который, вдруг оказалось, был достаточно долгим, с одной стороны, а с другой — неизмеримо коротким. И кто что сделал, и кто чего достиг, и кто чего стоит? Хотя все относительно в этой жизни. Состояние важности и значительности придумали для самоутверждения слабые люди.

Спасла всех от затянувшейся паузы очередная рюмка рому, и все постепенно встало на свои места.

Возвращение в Ессентуки было заполнено тишиной и думаньем. Хотя возвышенное чувство выполненного долга и радость, что повидали друга юности, преобладали над всеми нашими мыслями.

Глава № 8

День отъезда

На следующий день, день моего отъезда, я уговорила Сашу и его старшего сына Ричарда поехать на машине к горе Бештау, рядом с которой находится монастырь. В народе его называют второй Афон. Долго искали дорогу, нашли, повернули к монастырю, проехали полдороги, и машина стала ехать все медленнее и медленнее, потом встала совсем. Я сидела, затаив дыхание, вспоминая свой путь в Пятигорск и понимая, что опять что-то не так. Вышли, начали толкать. Она буксует на одном месте и сползает с дороги. Я решила пойти пешком, думала, что недалеко. Мимо совершенно нормально ехала какая-то машина, и водитель мне сказал, что до монастыря 4 км. Это приблизительно час ходьбы, то есть далекоовато. Наша машина не ехала, а остальные проезжали. Дорога подтаяла, не было сцепления, нашу машину вело. К сожалению, Боженька нас не допустил в свою обитель. Еле-еле развернувшись, мы осторожно поехали обратно, чтобы не застрять среди гор, потому что скоро уже отходил мой поезд. С тем мы и уехали. Вот так и получилось, как в той поговорке: рад бы в рай, да грехи не пускают!

Оттуда поехали на вокзал поменять билет с верхней полки на нижнюю полку — ведь оттуда ехать 20 часов до нашего города. Но в обычные купейные вагоны билетов не было. А был билет на нижнюю полку только в улучшенном вагоне. Пришлось поменять билет на место в улучшенном вагоне, хотя что такое улучшенный вагон, не понимала даже кассирша.

Ну, думали, будет больше комфорта. Вечером ребята меня посадили в этот "улучшенный" вагон. И все стало на свои места.

Вагон "восемнадцатого" века, все старое, дряхлое, в довершение ко всему комфорту — туалет с характерным запахом, но с туалетной бумагой и мылом. А "улучшенность" заключались в кормлении пассажиров и в некоторых деталях сервиса. Из-за дороговизны билетов на верхних полках во всем вагоне никого не было. Моей соседкой в купе была женщина, которая ехала до Ростова, а Ростов должен был быть утром. Ей вечером приносят ужин. Конечно же, я спрашиваю: "А где же мое питание, я ведь тоже в "улучшенном". Мне ответили: "Поскольку вы едете дальше, мы вас завтра успеем накормить, а сегодня уж извините, не рассчитано, да и есть-то на ночь вредно". Мне объяснили, что улучшенный сервис заключается в том, что кипяток я могу взять в любой момент, но чай — только за деньги. Могу взять у проводника иголку с ниткой, щетку для чистки одежды и обуви, ножницы. Это и есть та самая "улучшенность"!

Вот так-то, Игорь. Эту главу кончаю. Останется еще одна глава, думаю, последняя. Тебе все еще интересно?

Мне завтра устанавливают кабельный Интернет. Надеюсь, что сервис тоже станет улучшенным и качественным.

Целую. Я.

08.02.09. Одесса. SS.S.

***P. S.** Ну надо же! Все события, что я описываю, произошли ровно год и месяц назад, день в день, то есть в те же числа, в которые я сейчас о них тебе пишу.*

Света, привет!

Я закурился, завертелся, забегался, короче, как белка в колесе.

Наконец-то началась подготовка к выпуску фильма. Получил расписание просмотров для прессы. Рассылаю повсюду, то есть бегу впереди локомотива. Мой атташе по прессе, думаю, не ожидал такого темпа.

Неожиданно фильм отобрали для одного важного во Франции фестиваля, что уж совсем невероятно, так как фильм-то уже старый для фестивалей.

И вдруг! Приглашают моих артистов, они тут же прислали свои паспорта для визы. Одним словом, полная неожиданность. В конце месяца я еду на два дня в Лондон, который совсем не знаю. Был однажды проездом в Шотландию. Видел только аэропорт на пересадке. Теперь поеду на поезде под Ла-Маншем. Бегаю по бутикам в поисках смокинга и всего остального.

Собрала ли ты свои тексты про поездку? Не надо ничего "литературно" обрабатывать. Все написано именно так, как надо. Опубликуй!

*Целую. Игорь
09.02.08. Париж.*

Игорь! Что-то я подустала писать, а ты говоришь — опубликовать. Я ведь так... балуюсь. Одним словом — дилетант. У меня таких рассказов много. Когда мы были в Приэльбрусье, Сашина жена меня все время просила о чем-то рассказывать. А потом, когда я уезжала, попросила разрешения самой сесть за рассказы на моем материале. Не знаю, что у нее получится, но явно это будет не мое, потому что у меня свое особое видение всех событий, потому что это все Я САМА ПЕРЕЖИЛА, а не кто-то другой.

Может быть, ты и прав, что писать надо. Но я же не профи, у меня даже терпения нет вот все это сидеть и печатать. Знаешь, женщина, которая ехала со мной до Ростова, и я ей рассказывала свои истории, чуть не проехала Ростов, спохватилась, когда поезд уже стоял на станции. Она вдруг впопыхах оставила свой ростовский телефон, сказала, что если я когда-нибудь приеду в Ростов, чтобы к ней непременно зашла. На ходу вытаскивая чемоданы, она мне кричала, что надо писать.

У нас с тобой в Париже, к сожалению, особенно не было времени на разговоры. Все поверхностно. Немыслимая беготня по Парижу. Мне очень хотелось побольше всего увидеть. И конечно, я понимаю тебя: такой темп тебя совсем не устраивал, ведь ты там живешь и каждый день гуляешь по этому непостижимо прекрасному, теплomu и родному городу. Да и Париж не принимает быстрого темпа. Его нужно узнавать медленно и наслаждаться всем, что тебя окружает. После Парижа я еще больше полюбила Одессу. Они очень похожи по своему духу, по улицам с платанами и теням, падающим на асфальт и на фасады домов, по какому-то особому состоянию, свободному воздуху и архитектуре... Недаром Одессу строили французы. Эти два города строились для людей, они комфортны и уютны. Хотя кроме архитектуры есть еще что-то необъяснимое.

Жалко только, что сегодняшние архитекторы так не любят Одессу. И непонятно, ведь они же здесь живут, зачем же так уродовать такой прекрасный город? И непонятно, ну если архитекторы без вкуса, совести и принципов, а задача только в том, чтобы "срубить" больше денег, но ведь еще есть архитектурный совет, который принимает уничтожающие город проекты. Неужели они не понимают, что в результате их стараний Одесса перестанет быть Одессой? Кроме того, никто не занимается геологически-

ми изысканиями, и очень может быть, что дома, которыми нагроулили склоны, будут просто сброшены, как это было не раз в Одессе. А громадное количество непрофессиональной рекламы, закрывающей исторические здания в центральной части города и никак с ними не сочетающейся? Какие-то убогие пристройки, меняющие фасады домов. Очень странно. Ведь когда ходишь по историческому центру, возникает только одна мысль: сохранить Одессу в первозданном виде, реставрировать, строить и развивать в этом же духе. Другого не надо. Или Одессы с ее историей и легендой просто не будет. Будет другой город. А туристы сюда приезжают только из-за истории и легенды. Когда Одесса строилась, архитектурных советов не было совсем. Работали профессионалы, а у профессионалов была совесть, знания, культура и вкус. А где же культура у наших профессионалов, а уж тем более совесть?

Ладно, наступила сама себе на больной мозоль. Вернемся к моему возвращению. А тебе желаю незабываемого знакомства с "Туманным Альбионом".

Целую. Я.

09.02.09. Одесса. SS.S.

Глава № 9

Возвращение

В улучшенном вагоне была духота страшная. Хуже, чем в бане: дышать нечем, и главное, проветрить нельзя. Изнывали от жары и пота. За окном снег и мороз, а в вагоне — Сахара. В наш родной город я приехала в 17.00 часов, но было уже по-зимнему темно. Сдала чемодан в камеру хранения и решила выйти на привокзальную площадь и подышать воздухом родного города, и насладиться ностальгией.

Свежий морозный воздух. Сразу почувствовалась зима, в отличие от Одессы. Площадь оказалась невероятно нарядной и красивой. На ней стояла большая ярко убранная огнями и игрушками елка, вокруг которой ездил паровозик с вагончиками, в которых сидели разные зверушки. Из трубы паровозика периодически шел пар, и раздавались гудки. Чуть поодаль были установлены всевозможные сказочные домики, в которых жили сказочные герои, — на радость детворе, играющей на площади. Все сверкало разноцветными фонариками. Было почему-то тихо-тихо и как-то очень по-новогоднему сказочно. Только изредка доносились гудки настоящих паровозов. Медленно падали снежинки. Я навпечатлялась и затосковала по трогательному, но не очень счастливому детству. Поняла: еще чуть-

чуть — и заплачу. Поэтому быстро спустилась в метро, оставив сантименты, и поехала в новый район, где прожила последние годы перед своим отъездом в Одессу. Там осталась жить моя близкая подруга, у которой я и собиралась остановиться всего-то до следующего дня.

В метро публика на меня произвела какое-то странное впечатление. Мрачная замкнутость в темных одеждах. Резал уши странный говор нашего города, от которого я давно отвыкла. Интонация была такая, что казалось, все жители кем-то сильно обижены. Район, куда я приехала, очень изменился, и весь центр оказался вокруг дома, где мы жили, и станция метро рядом. Понастроили множество всяких фирменных магазинов, гигантских комплексов. Все жило светливой жизнью большого города. Разнообразные звуки, которыми был переполнен морозный воздух, знакомый с детства запах зимы вытащили из памяти совершенно ненужные воспоминания. И мне стало как-то не по себе. Неуютно возвращаться в прошлое, да еще ТАКОЕ, с надрывом, как в романах у моего любимого Федора Михайловича.

Подруга встретила меня тепло и радушно. Допоздна проговорили на разные философско-жизненные темы. Потом решили, что на следующий день с утра поедem на центральную площадь — это первая по величине площадь в Европе и вторая — в мире, рядом с которой я прожила до 25 лет. Здесь прошло мое детство и юность. Здесь все произошло впервые. Я впервые узнала, что такое смерть и одиночество, что такое подлость и лицемерие, что такое любовь и предательство, что такое страх и ложь, что такое потери, которые никогда нельзя восполнить, и много чего другого, того, что называется одним словом — жизнь. Праздничные парады, демонстрации трудящихся и фейерверки я смотрела с балкона нашего самого элитного в городе дома архитектуры 50-х годов, построенного из белого кирпича, и назывался он "Дом актеров". Площадь интересна тем, что здесь было сооружено в 20-е годы первое и самое большое в нашей стране здание советского конструктивизма, которое занесено в историю советской архитектуры.

На площади к этому Новому году был выпилен изо льда необыкновенной красоты город с разнообразными фигурами, который мы и приехали посмотреть. Но почему-то вся эта ледяная прозрачность меня не особенно радовала. Прав был поэт: "По несчастью или счастью истина проста: никогда не возвращайся в прежние места. Даже если пепелище выглядит вполне, не найти того, что ищем, ни тебе, ни мне". Такой знакомый воздух детства, запахи, звуки, освещение, улицы, воспоминания быстро навяли на меня тоску и безысходность всего случившегося в моей жизни. И я

очень захотела в свою родную и уютную Одессу. Благо что скоро уже отходил поезд.

И вот я уже в вагоне, и история движется к концу.

Глава № 10

"Одесса — мой город родной!"

Место было у меня нижнее, но оказалось, что остальные места — у шумной молодой мужской компании, которая ехала не только в моем купе, но и еще в других купе на верхних полках. Я сразу легла, потому что очень устала от дороги, впечатлений и хотела спать. Но на мое "счастье", соседи накрыли стол у нас в купе. На столе очень живописно расположились курица, водка, пиво, селедка, соленые огурцы, помидоры и все остальное — как положено. Правда, не знаю, где положено и кем. Сидя у меня на голове, они пили, ели, потом ходили курить, опять пили и ели, а уж какими словами они разговаривали, я и писать-то не буду. Ведь в школе со времен перестройки никто никого не воспитывает и, наверное, не нашлось ни одного человека, который бы объяснил молодежи, что какие используешь слова в своей речи, в таких образах и проживешь свою жизнь. Впрочем, что молодежь? Сейчас все, начиная от наших правителей и кончая каким-нибудь дядей Васей — дворником, говорят на этом ненормативном языке. Хотя, может быть, дядя Вася как раз говорит литературно, потому что он из бывшей интеллигенции, которую за время перестройки уничтожили как класс. И очень может быть, что наша страна так долго находится именно в этом самом месте, потому что оно постоянно употребляется в разговорной речи у всего нашего населения.

Насладившись водкой и закуской, соседи по очереди бегали по другим купе. Потом они куда-то ушли, а вся эта муть осталась рядом со мной на столе. Дышать становилось все труднее. Когда уже ночью они пришли спать, я предложила им это все доесть и убрать. Они сказали: "Кто же это теперь будет доедать или убирать?". Легли спать и захрапели перегаром, перемешанным с сигаретным дымом. И запах недоеденных продуктов и потных носок на этом фоне был, как запах французских духов.

Мне чем дальше, тем становилось все хуже. Становилось трудно дышать от жары, духоты, отсутствия кислорода и коктейля невообразимых запахов. Даже страшно было заснуть. Позвонила по мобильному телефону друзьям в Одессу с просьбой, чтобы они меня встретили и довезли на машине домой с моим багажом, в котором хранилась шкура горного тура,

убитого на охоте в горах Кавказа. Под утро я совсем задыхалась, считала минуты, когда поезд прибудет в Одессу. К счастью, друзья стояли рядом с вагоном. А над перроном неслось: "Когда я пою о широком просторе, о море, зовущем в чужие края...". Ох уж эти чужие края! К счастью, они закончились. Друзья помогли мне выйти из вагона. Говорить я уже практически не могла, только хрипела. Они не понимали, что со мной произошло, и были в ужасе от моего состояния, впрочем, как и я. Привезли меня домой, выгрузили, вызвали врача и уехали на работу. С девяти утра до трех часов дня в ожидании врача я стояла на холодном балконе и пыталась дышать, то есть легкие у меня расширялись, а воздух не проходил через горло. Врач пришла, сказала, что у меня отек горла, выписала кучу лекарств. Потом это все перешло в воспаление легких, и как всегда — причина неизвестна. И вот с 15 января я дома, попа моя вся исколота соседкой. Слава Богу, послал мне соседку, которая умеет делать уколы! Сначала я была полуживой, но постепенно пришла в себя. Подробности описывать не буду, как это было. Главное, что ЭТА ДОРОГА закончилась.

Ну, что тебе сказать? Я думаю, что мой организм сопротивлялся выходу на работу сразу по приезду. Это моя версия. Во всяком случае, мне представилась та редкая возможность побыть дома в тепле и одиночестве. Подумать, почитать, отлежаться, написать тебе письма со всеми своими приключениями, переписать всю эту мою невероятную историю, и наверное, сделать какие-то выводы.

С понедельника иду на службу, с которой мне уже звонят: где это я? А где я? Между какими мирами? Я и сама не знаю. Но уже хорошо знаю, что за все надо платить.

Вот и все. Эпопея подошла к концу. Краткий пересказ событий, которые со мной произошли, я постаралась до тебя донести. А что из этого получилось — тебе виднее.

Целую. Я.

10.02.08. Одесса. S.S.S.

Р. S. Отдельно пришлю фотоприложение к моему повествованию. Но это будет завтра. Сейчас ужасно хочу спать. Спокойной ночи!

Р. P. S. Горный тур поселился на моем любимом кресле как напоминание о невероятных приключениях, происшедших со мной во время путешествия на Кавказ.

Р. P. P. S. Как там "Туманный Альбион"?